

Избавившись от лавины бумаг, Хань Мин наконец вздохнул свободно. Делать ему было решительно нечего, и он едва ли не круглые сутки пропадал в тренировочном зале.

Обитатели Восточного королевского дворца, чуткие к любым переменам во властных коридорах, благоразумно не лезли к нему с расспросами. Никто не нарушал его уединения. Никто, кроме Ань Ина.

Хань Мин порой даже восхищался его неиссякаемой энергией.

«Неужели это обязательный атрибут любого главного героя?»

Парень принял дела всего три дня назад и сейчас должен был задыхаться под лавиной забот. И тем не менее он умудрялся выкраивать часы, чтобы назойливо мелькать перед глазами и без зазрения совести расточать свое врожденное «Обаяние».

Направил бы Ань Ин это рвение на завоевание Дун Яо, пользы было бы больше. Но нет, он упрямо крутился рядом. Что такого притягательного главный герой разглядел в обычном помощнике? Неужели соскучился по кипам неразобранных отчетов? Увы, все документы на этот месяц Хань Мин передал до последнего листа — поработать сверхурочно у Ань Ина при всем желании не получилось бы.

Хань Мин не знал и знать не хотел, какие планы вынашивает незванный гость. Сам он отличался редкостной душевной скупостью: любому, кто пытался что-то у него выудить, следовало приготовиться отдать все до последнего гроша. У Ань Ина на подобное безрассудство вряд ли хватило бы духу.

Пусть бумажные дела и закончились, в общем тренировочном зале оставалось еще множество программ для одиночной практики. Когда Ань Ин явился вновь, Хань Мин проигнорировал его томные взгляды и привычно запер упряма в капсуле тренажера, калибрующего контроль способностей.

— Знаешь, в твоём таланте скрыт колоссальный потенциал, — с безупречной улыбкой напутствовал он подопечного. — Не думал опробовать его на других биологических видах? Если хорошенько постараться, Восточный сектор получит нового сильнейшего мастера. И им станешь ты.

Ань Ин недовольно поджал губы. Ему показалось, что Хань Мин откровенно над ним глумится.

Ладно бы он действительно обладал лишь безобидным «Обаянием», но ведь даже его истинный дар, «Очарование», не имел к битвам ни малейшего отношения. Стать сильнейшим воином сектора с такой способностью? Нелепая шутка. А предложение дрессировать зверей собственной харизмой звучало и вовсе дико. Обожание диких тварей даром ему не сдалось.

Он начал всерьез подозревать, что Хань Мин попросту боится потерять свое кресло и выдумывает изощренные предлоги, чтобы изнурять его тренировками.

По правде говоря, будь его воля, он и близко не подошел бы к этому пыточному залу. Но после памятного визита к Восточному владыке Ань Ина не покидала смутная тревога. Он слишком хорошо знал, как ведут себя влюбленные мужчины, однако Дун Яо...

В последующие дни он тщетно пытался поймать правителя, надеясь лишний раз напомнить о себе, но пробиться к нему на аудиенцию оказалось задачей почти невыполнимой. Дун Яо оставался все таким же бесстрастным и отстраненным, и в его поведении не прослеживалось ни намека на благосклонность.

Успокаивая себя тем, что у владыки просто сложный характер, Ань Ин решил переключить внимание на Хань Мина. Раз уж правитель не спешил падать к его ногам, следовало заручиться поддержкой его правой руки. Поэтому изо дня в день Ань Ин щедро осыпал помощника эманациями своего врожденного «Обаяния».

А раззадорил его слух, долетевший до него накануне: в Восточном королевском дворце готовились устроить грандиозное празднование дня рождения Хань Мина и транслировать торжество в прямом эфире на весь звездный сектор. И это нелепое, абсурдное предложение Дун Яо одобрил лично! За какие заслуги? С какой стати?!

Хань Мин и пальцем не пошевелил, чтобы кому-то понравиться, но все вокруг продолжали превозносить его. Ань Ин исходил завистью. Он никогда не скрывал своей ревнивой натуры: ему требовалось безраздельное внимание, самая чистая и безумная любовь. Хань Мин сделался главным препятствием на его пути.

О былых подвигах Хань Мина знала вся Вселенная. Лишь из-за того, что он редко показывал лицо публике, обыватели не связывали его облик с легендарным вторым лицом Восточного сектора. Прямой эфир изменит все. Невероятная внешность в сочетании с выдающейся биографией мгновенно сделают его кумиром миллиардов. Даже если Ань Ин добьется своего и возвысится, его вечно будут сравнивать с Хань Мином. А затмить его послужной список не под силу никому.

Чтобы сорвать это чествование и привлечь наконец внимание Дун Яо, следовало сперва нейтрализовать Хань Мина. А самый легкий способ сделать это лежал на поверхности.

Выбравшись из тренировочной капсулы, взмокший и уставший Ань Ин задумчиво уставился на закрытую дверь бокса, где занимался Хань Мин. Если его чарам поддался сам грозный Дун Яо, то после стольких дней мягкой обработки Хань Мин и подавно не устоит. Тот ведь только что хвастался верой в его огромный потенциал? Что ж, пришло время проверить его на практике.

Вспоминая точеное лицо Хань Мина, совершенству которого позавидовали бы древние боги, Ань Ин ловил себя на мысли, что такая жертва ему даже приятна. Заполучить в личную коллекцию столь редкий трофей — отличная сделка. А уж когда Хань Мин полностью окажется

в его власти, он с великим наслаждением швырнет ворох скучных документов обратно в эту красивую физиономию.

Но едва Ань Ин сделал шаг к заветной двери, Лин Чжоу, дремавший у стены, резко вскинул голову. Его тяжелый, пронизывающий взгляд уперся в гостя, и парень впервые за все время нарушил молчание.

— Прочь.

Стоило ли поблагодарить эту цепную собаку за относительную вежливость? Мог ведь и просто послать. Но как ни смягчай тон, суть оставалась прежней: его бесцеремонно гнали. В этот миг Ань Ин всерьез усомнился в силе своего «Обаяния». Почему его безотказное оружие здесь раз за разом давало осечки?

Подавив раздражение, Ань Ин нацепил привычную обезоруживающую улыбку и приготовился возразить, как вдруг дверь бокса с шипением разъехалась. Ему даже не пришлось придумывать, как избавиться от Лин Чжоу, — цель его сегодняшней охоты явилась сама.

Изначально мысль подчинить себе Хань Мина была лишь минутной слабостью, вспышкой уязвленного самолюбия. Но теперь Ань Ин поверил, что этот день станет для него триумфальным. Удача любила его, да и контроль над ментальной силой за последнее время заметно окреп.

«Возможно, сама судьба велит мне действовать?» — промелькнуло у него в голове.

Ань Ин поспешно развернулся и первым, опередив стоявшего рядом Лин Чжоу, протянул Хань Мину чистое полотенце. Тот даже не шевельнулся, чтобы стереть выступивший на лбу пот. Он лишь слегка приподнял веки, бросив на Лин Чжоу ледяной, нечитаемый взгляд.

Это было прямое предупреждение: не лезь не в свое дело.

Хань Мин прервал занятие только потому, что уловил подозрительное шевеление энергии за пределами бокса. Едва он приблизился к двери, его «Предчувствие опасности» тревожно забило в колокола, предупреждая, что Ань Ин собирается задействовать свой скрытый талант.

Наблюдая за навязчивым поведением дипломата в последние недели, Хань Мин прекрасно понимал, что этот момент рано или поздно настанет.

Вместо того чтобы послушно ждать неизбежного, следовало раз и навсегда закрыть этот вопрос.

За первые восемнадцать лет жизни он успел обзавестись внушительным арсеналом защитных способностей, среди которых числилась и высокая сопротивляемость ментальным атакам.

Прекрасный повод выяснить, устоит ли его разум перед очарованием главного героя.

Даже если бы его защита дала сбой, оставался старый проверенный способ — пустить себе кровь и разогнать дурман резкой болью.

Поэтому услужливое вмешательство Лин Чжоу было ему без надобности.

Воплощенная Воля Вселенной могла оберегать его день, два или целый год, но не собиралась нянчиться с ним всю жизнь. Он давно привык решать свои проблемы самостоятельно.

— Лин Чжоу, принеси мне попить. В спальне остался новый энергетический напиток, мне нужен тот, что с лимоном.

Лин Чжоу молча мерил его взглядом золотых глаз, словно взвешивая решение, но в конце концов бесшумно развернулся и ушел выполнять поручение.

Поравнявшись с Ань Ином, Лин Чжоу даже не замедлил шаг, однако дипломат ощутил, как по хребту пробежала ледяная дрожь — так смотрит свирепый хищник, прикидывая, куда лучше вонзить клыки.

«И как только Хань Мин терпит подобное чудовище? С такой бешеной опекой недалеко и до того, что цепной пес однажды перегрызет горло хозяину».

Трусом Ань Ин не был. Давящая, первобытная аура Лин Чжоу заставила его сжаться, но не сломила решимости. В то самое мгновение, когда полотенце переходило из рук в руки, Ань Ин нанес свой ментальный удар, высвобождая истинную силу «Очарования».

Но Хань Мин даже не притронулся к мягкой ткани. Стоило Ань Ину вскинуть взгляд, как его запястье оказалось зажато в стальные тиски. Помощник владыки смотрел на него сверху вниз — холодно и бесстрастно.

Под этим нечитаемым взглядом хватка на запястье, изначально мягкая, показалась Ань Ину тяжелее могильной плиты.

— Что вы делаете? — Ань Ин попытался сохранить беззаботный тон, хотя внутри у него все заледенело. — Полотенце ведь у меня в ладони, а не на запястье.

Судя по равнодушному взгляду собеседника, ментальная атака разбилась вдребезги. И все же остатки слепой надежды заставили его прощупать почву.

Провал сам по себе не был катастрофой. Куда сильнее его пугало другое: понял ли Хань Мин, что его только что пытались околдовать?

Следующие слова Хань Мина не только не принесли облегчения, но и заставили Ань Ина похолодеть от ужаса.

— Я ведь говорил, что твой талант таит в себе колоссальный потенциал, — тихо произнес Хань Мин. — Но мое искреннее пожелание развивать его не означает, что ты можешь практиковаться на мне. Убери свое навязчивое «Обаяние». Заводить близких друзей я в ближайшее время не планирую.

«Так он догадался или нет?» — панически соображал Ань Ин.

Если Хань Мин все раскрыл, то почему упомянул лишь «Обаяние»? А если остался в неведении, то к чему эти недвусмысленные намеки?

Ань Ин твердил себе, что сейчас главное — не выдать своего смятения.

— О чем вы говорите? — он округлил глаза, разыгрывая искреннее недоумение. — Я не совсем понимаю. Мой скромный дар лишен даже намека на агрессию, он не способен причинить вред. Вы слишком высокого мнения о моих способностях.

Хань Мину надоело ходить вокруг да около. Он намеревался поставить в этом деле жирную точку прямо сейчас.

— Мой дар тоже относится к вспомогательным способностям, — ровным тоном произнес он. — Скажи, ты ведь наверняка изучал мое досье?

Практически наизусть. Раз уж он видел в Хань Мине главного соперника, то изучил его биографию под микроскопом. Именно недостижимое величие былых свершений этого человека лишало Ань Ина уверенности и толкнуло на столь отчаянный шаг.

— Вижу, что отлично знаком, — равнодушно констатировал Хань Мин, заметив, как дрогнули ресницы собеседника. — Общественное мнение нарекло меня «Врожденным помощником». Считается, что любой, на кого падет мой выбор, гарантированно займет первое место в рейтингах силы. Но задумывался ли ты когда-нибудь вот о чем: если мои подопечные становятся первыми во Вселенной, то кто тогда я? Кем остается скромный ассистент, стоящий за их спинами?

— Разумеется, вторым человеком во Вселенной, — завороченно пробормотал Ань Ин, невольно увлеченный логикой беседы.

Ведь слава Хань Мина зиждилась не только на умении разглядеть чужой гений. Он сам обладал колоссальными, пусть и уступавшими абсолютным лидерам, но феноменальными способностями практически в любой области.

— Вот как? — Хань Мин даже не улыбнулся. — Тогда ответь мне еще на один вопрос. Если человек занимает второе место во Вселенной по боевым навыкам, второе — по интеллекту, второе — по таланту в искусстве, пилотировании, тактике, инженерии и оружейном мастерстве... Если он во всех возможных дисциплинах без исключения прочно удерживает вторую позицию, то кто он такой?

«Чудовище».

«Совершенный, пугающий монстр, которому нет равных во всем обитаемом космосе».

Ань Ин стоял как замороженный, не в силах отвести взгляд от лица собеседника.

Лишь сейчас, находясь непозволительно близко, он заметил, что угольно-черную радужку Хань Мина окаймляет тончайший ободок благородного золотого цвета. Солнечные лучи, падавшие из окна за его спиной, заставили эти золотые искры вспыхнуть ярче, стоило Хань Мину насмешливо прищуриться.

— Он и есть первый.

Когда Хань Мин с тихим вздохом уронил это слово, Ань Ину на долю секунды показалось, будто его глаза целиком затопило расплавленное золото.

Вспышка угасла мгновенно, оставив Ань Ина в сомнениях — не померещилось ли ему это в ярких лучах солнца. Но если зрение и могло его обмануть, то смысл сказанного заставил его сердце сжаться от вполне реального страха.

Все верно. Быть вторым в каком-то одном ремесле — значит вечно оставаться в тени победителя. Но если ты второй абсолютно во всем? Когда десятки выдающихся способностей сливаются в одном теле, разве этот человек не становится величайшим из живущих?

Неужели вспомогательный класс таланта действительно способен породить такую абсолютную силу? Выходит, Хань Мин не издевался над ним, когда рассуждал о перспективах?

Впрочем, Ань Ина никогда не манили боевые подвиги. Становиться грозой Восточного сектора он не планировал.

Единственное, чего он жаждал с самого рождения и ради чего был готов на все, — это любовь. Чистая, безусловная, обожествляющая его любовь.

Ань Ин сморщился, словно от слишком яркого света, и наконец отвел глаза. Теперь он отчетливо понимал: Хань Мин не просто развеял миф о слабости вспомогательных классов, он выстроил вокруг себя непробиваемую стену и недвусмысленно велел держать свои грязные ментальные трюки при себе.

До этого момента титул «помощника» застилал ему взор, заставляя недооценивать личную силу Хань Мина. Теперь же, когда тот насторожился, любые попытки применить на нем «Очарование» были обречены на провал.

Эта тропа вела в глухой тупик. Следовало придумать иной способ устранить препятствие.

Когда раздосадованный Ань Ин направился к выходу, Лин Чжоу уже стоял подле Хань Мина. Он бесшумно откупорил бутылку с лимонным напитком и протянул ее хозяину. Очевидно, он вернулся из спальни довольно давно, но деликатно выжидал, пока Хань Мин закончит разговор.

У самых дверей Ань Ин на мгновение замер.

Хань Мин и Лин Чжоу всегда казались единым целым. Грозный телохранитель служил своему господину самым преданным псом и самым смертоносным оружием. Но сейчас между ними висело странное, почти осязаемое напряжение. Похоже, они крупно повздорили.

А может, Хань Мин просто в одностороннем порядке объявил бойкот своему защитнику?

«Если подчинить Хань Мина невозможно... почему бы не попробовать очаровать Лин Чжоу?»

При таком раскладе у него действительно появлялась превосходная возможность нанести удар.

<http://bllate.org/book/18306/1755317>